

О. Н. Леконцев

Крестьянская община в первой половине 1920-х гг.

Статья посвящена анализу состояния общины Вятской губернии и Вотской области в первой половине 1920-х гг. Традиционный орган крестьянского самоуправления, община уцелела в годы Гражданской войны и окрепла в первые годы нэпа за счет консолидации крестьянства и слабости государственных органов в деревне. Фактически она взяла на себя функции административного и судебного органа, оттеснив государство.

Ключевые слова: крестьянство, община, государство, гражданская война, нэп, крестьянский сход, суд, государственные органы.

O. N. Lekontsev

Peasant Community in the First Half of 1920-s

The article is devoted to the analysis of the state of community of the Vyatka province and the Votsky region in the first half 1920-s. A traditional authority of peasant self-government, community survived in the years of the civil war and got strong in the first years of a new economic policy due to the consolidation of peasantry and weakness of public authorities in the country. Actually it undertook the functions of an administrative and judicial authority driving back the state.

Keywords: peasantry, a community, a state, the civil war, a new economic policy, peasant gatherings, a court, public authorities.

В повседневной крестьянской практике начала 1920-х гг. господствующее положение в деревне Вятской губернии и Вотской области по-прежнему занимала традиционная община. Сельский сход общинников представлял серьезную проблему для большевистского руководства как конкурирующий с Советами и независимый от них орган самоуправления. Представляя собой собрание домохозяев, он решал административно-хозяйственные, земельные, судебные, бытовые и иные вопросы жизни деревни.

Следует отметить, что в советское время община, благодаря реформам большевиков 1917–1918 гг., значительно усилилась. II Всероссийский съезд Советов принял Декрет о земле, включив в него в качестве основополагающего пункта уравнилительно-трудовой характер землепользования. Только в Удмуртии крестьянство получило 1.958.229 десятин земли. Конституция РСФСР 1918 г. также зафиксировала значительные права деревенской общины [1, с. 54].

Последовавший затем военный коммунизм не смог разрушить органы крестьянского самоуправления. В условиях Гражданской войны, когда враждующие стороны занимались реквизициями и грабежами деревни, крестьянство только в рамках общины могло найти себе хоть какую-то защиту.

Нельзя забывать и о значительном обнищании населения в годы военного коммунизма, который нивелировал социальные группы, значительно сблизив их в имущественном положении. В Вятской губернии в 1922 г. безлошадных дворов насчитывалось до 112–116 тыс. (30 % общего числа хозяйств губернии), бескоровных – 25 тыс. А мелкое животноводство, по подсчетам губернского госплана, пришло в совершенный упадок [2. Ф. Р.-875. Оп. 1. Д. 504. Л. 196].

В Вотской области из около 110 тыс. крестьянских хозяйств [3. Ф. Р.-817. Оп. 1. Д. 7. Л. 79 об] в 1923 г. безлошадных было 22,1 %, с 1 лошастью – 66,9 %, с 2 – 10,3 %, с 3 – 0,7 %. Бескоровные хозяйства составляли 14,9 %, с 1 коровой – 68,9 %, с 2 коровами и более – 16,1 % [4. Ф. 16. Оп. 1. Ф. 604. Л. 68].

Обнищавшее крестьянство, находившееся под сильным давлением внешних сил, чтобы выжить, сплачивалось вокруг общины. По мнению одного из ведущих исследователей истории удмуртской общины профессора Г. А. Никитиной, к началу 1920-х гг. община в Удмуртии «проявляла значительную живучесть... оставалась реальностью, с которой необходимо было считаться» [5, с. 22].

С окончанием Гражданской войны, отменой военного коммунизма и переходом к нэпу сохра-

нение прочной общины детерминировалось следующими факторами:

- голод 1921 г. и в связи с этим – дальнейшая консолидация крестьянства;
- слабость советского и партийного аппаратов, особенно на местах;
- сложное политическое и экономическое положение в деревне, вынуждавшее государство проводить более осторожную и нейтральную политику.

На фоне голода 1921 г., посредственных сборов 1922 и 1923 гг. крестьянство оказалось замкнуто в своем хозяйстве и общине, занятое проблемами выживания. Наученное Гражданской войной, оно предпочитало дистанцироваться от политики, грозящей опасными последствиями. Большевистское руководство ошибочно искало причину приверженности основной массы крестьянства общинному строю в его «отсталости», «темноте». Вотский облисполком считал, что «политически крестьянство в области безразлично, т. к. часть нации вотяков не только не усваивает политическую платформу, а даже не может усвоить свое хозяйственное положение, хотя это и относится к экономической почве» [4. Ф. 16. Оп. 1. Д. 169. Л. 42 об].

Такого же мнения придерживались и местные руководители. Так, заведующий отделом управления Селтинского уисполкома писал, что политическое состояние крестьянства «вообще по их отсталости и культурном уровне слабое. Твердой устойчивости смотреть здраво на вопрос нет. Настроение крестьян, кулаков, таковое, что смотреть на власть как на постепенно меняющую свои взгляды на кулака» [3. ЦГА УР. Ф. Р.-154. Оп. 2. Д. 13. Л. 36].

Разумеется, уровень политического развития не только национального, но и русского крестьянства был невысок, но сводить к отсталости пассивность крестьянства не стоило. Тем более что отсутствие крестьянской активности вне общины компенсировалось определенными подвижками внутри нее. Консолидация членов общины была заметна невооруженным глазом. Так, Вотский облисполком летом 1922 г. сообщал, что при развозке семян на волостных пунктах в селении не было разделения на имущих и неимущих. Первые помогали вторым и вторые – первым [4. Ф. 16. Оп. 1. Д. 157. Л. 183].

Сближение членов общины было зафиксировано и органами ОГПУ. Вотский отдел ГПУ в ноябре 1923 г. отмечал, что кулацкий элемент «не перестает будировать темную массу беднейшего

населения в своих корыстных целях. Уловить же таковых за отсутствия их открытого возбуждения весьма трудно, тем более, население не всегда отзывчиво на требования власти к выявлению вредного элемента».

Причины такого поведения сотрудники ГПУ видят в «неповиновении самих же бедняков, а главным образом – боязни». Но главное «в отношении же к врагам существующего строя приходится сказать, что темная деревенская масса все еще не усваивает сущности Советской власти и поэтому не может выявить врагов» [4. Ф. 16. Оп. 1. Д. 335. Л. 112].

С развитием нэпа и началом восстановления сельского хозяйства положение «крепких» хозяев улучшается, а их число, начиная с 1923–1924 гг., увеличивается. Укрепляется и прослойка середняков, служащая базой для пополнения зажиточной верхушки. При обследовании специальной комиссией экономического состояния, политической, культурной и кооперативной деятельности Коршинской волости Халтуринского уезда Вятской губернии в 1924 г. было выявлено, что новая экономическая политика заложила в деревне базис, на основе которого население постепенно могло повышать мощность всего хозяйства. Медленно, но неуклонно происходило укрепление экономического состояния крестьянства, при этом в большей степени оно касалось хозяйств середняков и зажиточных крестьян. На их фоне выделялись безлошадные и бескоровные хозяйства, которые в массе своей не имели ресурсов для развития.

В весеннее время расслоение деревни на бедняков, с одной стороны, и на середняков и мощных хозяйств, – с другой, было особенно заметно: «Наступивший весенний посев застал не имеющий рабочий скот бедняцкий элемент деревни в весьма тяжелом положении, и они принуждены были обращаться к сильным хозяйствам за помощью, вступая с ними в сделки за вспашку и уборку полей, принимающие иногда явно кабальный характер».

Причины расслоения комиссия довольно резонно видела в том, что расценки «для обработки полей лошадиной силой» были высоки, в то время как «расценка на рабочие руки, которые предлагают бедняки, стоит много ниже среднего уровня, вследствие чего батрацкий элемент, проработав лето, не может обеспечить себя на зимний период».

В результате высокая расценка труда «есть в настоящий момент один из главных способов

выкачивания последних средств из беднейшего элемента со стороны более сильных хозяйств. Получаются своего рода новые “ножницы” крестьянских экономических взаимоотношений» [6. Ф. 1. Оп. 2. Д. 766. Л. 39–39 об].

В Вотской области, где происходили те же процессы, по мере того как улучшалось экономическое состояние крестьян, отношение к соввласти «можно считать удовлетворительно, не умалчивая о том, что некоторые из среднего крестьянства и в особенности кулацкий элемент, относятся ко всем мероприятиям Советской власти крайне недоброжелательно, но благодаря зоркому нашему наблюдению и содействию беднейшего крестьянства как ненавидимого кулацкий элемент, быстро присекаются все их контрреволюционные подвохи» [4. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 169. Л. 99].

Вместе с тем, расслоение крестьянства в первой половине 1920-х гг. нельзя преувеличивать. Наследие двух войн, засухи 1921 г., низкие урожаи последних лет тормозили развитие деревни. Распределение крестьянских хозяйств по посевным группам в Вотской области свидетельствует о слабом их расслоении. Без посевов (бедняки и батраки) в 1922 г. было 1,8 % хозяйств, в 1924 г. – 1,1, с 2 до 8 десятин (середняки) имело соответственно 91,8 % и 94,1, а свыше 8 десятин (кулаки) – 6,4 и 4 % [4. Ф. 16. Оп. 1. Д. 604. Л. 69].

Основной управляющей силой внутри общины был крестьянский сход. Он не вписывался в систему государственных органов управления новой власти и считался в зависимости от внутриполитической обстановки или враждебным, или, в лучшем случае, недружественным. Крестьянство во многом жило вне сферы контроля государственных органов, оставаясь преимущественно в рамках общины. Для большей его части государство оставалось внешней, чужеродной силой, источником налогов, административных препон, и реже – льгот и материальной помощи.

На практике существование сильного крестьянского схода и слабого низового советского аппарата вынуждало руководство использовать в ряде случаев элементы общины для решения текущих административно-хозяйственных вопросов или для смягчения негативных последствий преобразований в сфере советского строительства.

Необходимо отметить, что в первые годы нэп политика государства в деревне была двойственной: с одной стороны, старые идеологические догмы и штампы эпохи военного коммунизма сохранялись, оставаясь краеугольным камнем

теории социалистического строительства. Правда, многие из них на практике широко уже не использовались, но продолжали служить веским подтверждением сохранности прежнего курса. С другой стороны, осознание сложности и напряженности внутриполитической обстановки, необходимости отказа от некоторых не выдержавших испытание временем или устаревших в новых условиях методов управления, вынуждало большевистское руководство придерживаться политики невмешательства в жизнь населения в тех вопросах, которые не затрагивали серьезно интересы государства, а также сделать крестьянству ряд уступок не только в экономической сфере, но и в административно-правовой. И хотя они были робкими и непоследовательными, в основном не выходящими далеко за рамки привычного военно-коммунистического стиля работы, сразу же привели к дальнейшему укреплению положения общины.

Усиление роли общины в период голода заметно проявилось в расширении ее судебных полномочий. В условиях ослабления государственных органов в начале 1920-х гг. община берет на себя часть их функций и не допускает перераспределения и расхищения в первую очередь продовольствия. Особенно это было заметно по удмуртской общине. В начале 1930-х гг. ОГПУ отмечало: «То же самое можно было наблюдать и по событиям, имевшим место в 1921 г. в д. Порозове Шарканского ероса, когда постановлением “КЕНЕША” были убиты 8 бедняков за то, что некоторые из них при существовавшем в то время голоде попытались вырыть несколько кустов картофеля на полях кулаков. При допросах давались те же показания, что на “КЕНЕШЕ” “все” присутствовали и, что “все” постановили применить указанную меру к виновникам» [4. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1157. Л. 10].

Четкая система была создана для борьбы с бандитами и подозрительными посторонними. Вятский отдел ГПУ на примере Царево-Санчурского района продемонстрировал крестьянскую систему самооповещения: «Район по части борьбы с бандой организован хорошо. Каждая деревня имела своего организатора, ответственного за своевременное принятие мер. Ежедневно в деревне устраивалось дежурство. Связь между деревнями налажена хорошо. Организатор за неприятие мер борьбы с бандитами или за неожиданное появление в деревне бандитов, так и за небдительность и халатность подвергается ответст-

венности перед обществом» [6. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1157. Л. 10].

С пойманными бандитами или просто посторонними крестьянами, воруемыми от голода, община, как и со своими общинниками, не церемонилась. По информации газеты «Ижевская правда», в деревне Выгон-Шудзи Александровской волости Можгинского уезда за кражу лошади со двора, крестьяне, устроив самосуд, убили гражданина Замятина, проживающего в деревне Пасгурт Нылгинской волости [7. 1922. 7 марта. № 48].

В Вятской губернии в июне 1922 г., по данным милиции, в деревнях «наблюдаются самосуды над ворами, бандитами и подозреваемыми в принадлежности к ним. Зачастую крестьянами при задержании воров учинялись самосуды. Кражи объясняются голодом».

Таким образом, общинное неписаное право в начале 1920-х гг. столкнулось с официальным законодательством и некоторое время в жизни деревни играло определяющую роль. Вятский отдел ГПУ отмечал по этому поводу: «Самосуды устраиваются по недоверию к власти, так как таковая «де плохо мошенников карает» [6. Ф. 1. Оп. 2. Д. 248. Л. 31].

Удмуртская пресса сообщала: «Самосуды и жестокая расправа с ворами и другими нарушителями порядками в деревне принимает все более и более широкие размеры. То там, то в ином месте все чаще и чаще повторяются случаи самоуправства. Имеются сведения из Селтинского, Дебесского и Можгинского уездов, где эти случаи делаются общими сведениями» [7. 1922. 19 февраля. – № 37].

Эти сведения подтверждали Ижевская усовмилиция: «Бандитизма по Ижевскому уезду не замечается, уголовная преступность увеличивается, самосуды над ворами учащаются, таковых в июне месяце было 10, причем убито 15 человек, прочих убийств из которых мотивов 1, грабежей 5, убийства, грабежи и кражи лошадей и скота уменьшаются» [3. Ф. Р.-26. Оп. 1. Д. 27. Л. 12].

Расправы следовали не только над голодающими крестьянами-ворами, но и над членами банд. Сотрудники Вятского губотдела ГПУ летом 1922 г. сообщали: «За последнее время банда местного своего расположения нигде не проявляет. Причинами к этому, несомненно, были те самосуды, которые устраивались населением над задержанными» [6. Ф. 1. Оп. 2. Д. 248. Л. 31].

В качестве примера Вятский отдел ГПУ указывал: в Яранском уезде Юкшумской волости (65

верст юго-западнее города Яранска) в первую половину июня оперировала шайка бандитов, налагавшая контрибуции на граждан близстоящих селений и грабившая лиц, проходивших через леса. Численность шайки – 8 человек. Отношение населения к шайке было враждебное. В результате принятых мер задержаны три бандита: Емельянов, Чирков и Котомкин, и убито самосудом гражданами – двое [2. Ф. Р.-875. Оп. 4. Д. 15. Л. 8].

Позднее, в период коллективизации, в любых действиях общинников власти стали усматривать деятельность кулачества: «С 1917 г., особенно после Октябрьской революции и примерно до 1922 г., когда батрачество и беднота начали освобождаться из-под влияния кулачества и его “КЕНЕША”, когда многие из батраков и бедноты стали на путь активной борьбы за мероприятия Советской власти и партии, кулачество через “КЕНЕШ” стало применять в массовом порядке самосуды над непокорными. На всем протяжении этого периода погибали от самосудов исключительно батраки и бедняки удмурты» [4. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1157. Л. 10].

Надо отметить, что демонизация зажиточной части деревни советскими и партийными работниками была во многом надумана и вызвана соображениями идеологического плана. В начале 1920-х гг. оценки были более умеренными. Вятский губотдел ГПУ в июле 1922 г. считал, что крестьяне устраивают самосуды из-за недоверия к власти, мягкости приговоров [6. Ф. 1. Оп. 2. Д. 248. Л. 31]. О том же писала и печать Вотской области: «Крайне бедствуя и умирая от голода, население безжалостно мстит всем вора и даже подозреваемым в кражах, в большинстве своем же односельчанам, так же доведенным до отчаяния голодом. Зверства доходят до того, что в нескольких деревнях оказались убитыми целые семьи, состоящие из 5–6 человек. Случаев самосуда было много. Из них официально удостоверено в Ижевском уезде с 1 апреля по 10 августа 42 случая, причем убито 68 человек. В настоящее время в связи с хорошим урожаем самосуды пошли на спад» [7. 1922. 26 августа. № 179].

Начальник особого бандотделения ГПУ Вотской области писал по итогам тяжелого 1921 г.: «К уголовному бандитизму отношение крестьян враждебное, и они сначала находятся под давлением и страхом перед бандами, поэтому их не выдают, а в конце концов, вынужденные и выведенные из терпения наглостью бандитов, их грабежами, убийствами, начинают выдавать банди-

тов и даже устраивают самосуды» [4. Ф. 16. Оп. 1. Д. 23. Л. 147 об].

Начало 1920-х гг., проходившее, с одной стороны, в условиях смягчения внутривнутриполитической и экономической обстановки благодаря введению новой экономической политики, а с другой, уже-сточению положения из-за засухи 1921 г., массового голода и дальнейшего обнищания крестьянства привело к очередному усилению общины. Советское государство, имея в активе еще слабые местные советы и партийные РКП (б), в условиях острой обстановки не решилось оказывать чрезмерное давление на общину. Более того, принимаемые законодательные акты и текущая политика в деревне способствовали дальнейшему усилению общины.

Только с улучшением обстановки к середине 1920-х гг. влияние общины по разным причинам (давление государства, расслоение крестьянства) начинает ослабевать, но начало Нового курса вновь способствует ее усилению. Впрочем, это уже другая эпоха, хотя и в рамках продолжающегося нэпа.

Примечания

1. История Удмуртии. XX век / под ред. К. И. Куликова. – Ижевск, 2005.
2. Государственный архив Кировской области.
3. Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
4. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики.
5. Никитина Г. А. Удмуртская община в советский период. – Ижевск, 1998.
6. Государственный архив социально-политической истории Кировской области.
7. Ижевская правда.